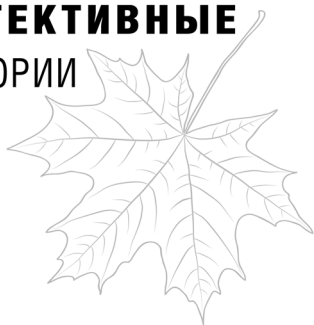

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Ирина Грин

Магия листопада

Екатерина Барсова

Портрет на фоне Вавилонской башни

Татьяна Устинова

О карманных слонах

Людмила Мартова

Зеркало графа Дракулы

Анна Данилова

Призраки Ренуара

Евгения Михайлова

Марго

Наталья Антонова

Превратности любви

ДЕТЕКТИВНАЯ ОСЕНЬ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Д38 **Детективная осень** / Татьяна Устинова,
Людмила Мартова, Евгения Михайлова и
другие. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. —
(Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-169395-4

Общеизвестно, что всем временам года великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин предпочитал осень. И многие читатели разделяют его отношение к этому волшебному сезону прозрачного воздуха, ярких красок природы и того особенного настроения, которое может подарить только осень. Любят его и популярные писатели — Татьяна Устинова, Людмила Мартова, Евгения Михайлова и их блистательные коллеги по перу, — остросюжетные рассказы которых вошли в сборник «Детективная осень».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оформление.
ISBN 978-5-04-169395-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

• СОДЕРЖАНИЕ •

Ирина Грин
МАГИЯ ЛИСТОПАДА

7

Екатерина Барсова
ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

32

Татьяна Устинова
О КАРМАННЫХ СЛОНАХ

78

Людмила Мартова
ЗЕРКАЛО ГРАФА ДРАКУЛЫ

86

Анна Данилова
ПРИЗРАКИ РЕНУАРА

133

Евгения Михайлова
МАРГО

165

Наталия Антонова
ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

201

ИРИНА ГРИН

• МАГИЯ ЛИСТОПАДА •

бежала по сырой аллейке среди золотистых тополей.

— Главное, следи за дыханием, — учил бывший муж Альберт.

От него у меня осталась привычка бегать по утрам и собака — огромный рыжий пес по кличке Шукер. Раньше мы бегали по этому парку вдвоем, каждое утро, независимо от погоды. Теперь Альберт совершает пробежки с кем-то другим. Шукера он оставил мне, потому что новая пассия категорически отказалась взять собаку в дом.

После ухода мужа оказалось, что следить за дыханием — совсем не главное. Когда мы с Альбертом познакомились, я только поступила в институт. Мы жили с родителями и братом в большой четырехкомнатной квартире, родовом гнезде, как называла его мама. Она была ужасно против нашего брака, считая, что надо

сначала окончить институт. Но потом смирилась и даже согласилась разменять квартиру на две: для себя, папы и брата и маленькую для нас с Альбертом. Через полгода женился брат Сашка. Невеста была на седьмом месяце, поэтому они с радостью поселились под крылом у будущей бабушки.

После бегства Алика я осталась одна, без работы, но с большим, хронически голодным псом. Моей стипендии могло хватить лишь на неделю сытой собачьей жизни. Свалиться на голову родителям с огромным псом не позволяла совесть.

Впрочем, один раз, поддавшись минутной слабости, я забежала в родной дом. Кристина, жена брата, бледная, с синяками от бессонных ночей под глазами и орущим младенцем на руках, была одна. По выражению воспаленных, уставших глаз я поняла — мне здесь абсолютно не рады. Задав пару ничего не значащих вопросов, я ретировалась.

— Маринка, чего приходила-то? — уже на лестничной клетке крикнула мне вслед Кристина.

— Да так просто, — отозвалась я, сбегая по лестнице.

Последующее общение с родителями свелось к дежурным маминым звонкам:

— Да все нормально, мамуль, не волнуйся. Вы-то как?

Она рассказывала домашние новости: папа и Сашка целыми днями на работе, ребенок плачет, она болеет...

— Хорошо, что у тебя все в порядке, доченька... Единственная отрада. Хоть за тебя не волноваться.

Когда запас денег подошел к концу, передо мной встала проблема выбора: срочно найти работу или умереть с голоду вместе с Шукером. Вакансия нашлась быстро — в соседний круглосуточный супермаркет требовались ночные кассиры. Через два дня я гордо восседала в кассовом боксе, вежливо, как учили, улыбаясь покупателям. Итак, с первой серьезной проблемой в жизни я справилась — голод отступил. За всеми этими боями за хлеб насущный я как-то совсем позабыла про Алика. Наверное, другая женщина на моем месте должна была ужасно страдать. Но вместо страданий я почувствовала облегчение.

Почти сразу после свадьбы я поняла, что мы с Альбертом вовсе не две половинки. Мама была права, наш скоропалительный брак ничего хорошего не дал. Но тогда мне ужасно хотелось стать самостоятельной: не отчитываться, куда и зачем я иду, не выслушивать замечания по поводу слишком яркого макияжа или чрез-

мерно короткой юбки... Каким же глупым все это казалось сейчас!

Однажды свежим сентябрьским утром мы бежали по любимому парку. Вдруг пес дернул головой и стрелой понесся куда-то.

— Шукер! Стой, — заорала я. Куда там...

Я пересекла лужайку и замерла: на ярко зеленой траве кувыркались два пса — Шукер и незнакомый палевый лабрадор. Они не дрались, наоборот, это была веселая игра двух расшалившихся подростков. Шерсть собак блестела в неярких лучах восходящего солнца, пасти открыты от удовольствия. Они были похожи на два гигантских листа, сброшенных кленом-великаном на зеленый ковер.

— Это ваша собака? — раздался совсем рядом мужской голос.

Ну вот, сейчас начнут читать морали, что такой большой пес и без намордника.

— Моя, — отозвалась я, оборачиваясь. — Он не кусается.

— Я заметил, — отозвался мой собеседник и неожиданно засмеялся.

Это был такой открытый и заразительный смех, что я невольно перестала злиться и подошла поближе, чтобы рассмотреть его обладателя.

Молодой мужчина, очень бледный, с коротко стриженными черными волосами. Его блестящие, глубоко посаженные карие глаза

светились от удовольствия. Мужчина сидел на скамейке, рядом лежал открытый ноутбук.

— Садитесь. — Он похлопал ладонью рядом с собой. Было в этом жесте что-то очень располагающее, и я невольно последовала его приглашению. — Скажите, как вас зовут?

— Шукер, — кратко ответила я.

— Это имя или фамилия?

— Кличка. Вообще-то так звали какого-то знаменитого футболиста.

— Вы увлекаетесь футболом?

— Нет, футболом увлекается мой муж, — пресекла я попытки к дальнейшему сближению.

— Понятно. — Он пожал плечами и потянулся к ноутбуку. Его длинные тонкие пальцы забарабанили по клавишам.

Я смотрела на эти пальцы и вдруг ощутила странное, абсолютно иррациональное чувство. Мне захотелось дотронуться до них и даже, о ужас(!), прикоснуться к ним губами. Я постаралась прогнать эти мысли из головы, но они не ушли, а удобно расположились где-то рядом, обещая вернуться при первом же подходящем случае. И он не замедлил представиться. С веселым лаем собаки подбежали к скамейке.

— Лайза, девочка моя. — Мужчина схватил пса за холку и притянул к себе. Длинные пальцы утонули в мягкой палевой шерсти.

«И я хочу», — заявил в моей голове противный голос, а по спине пробежали мурашки.

— Так, Шукер, что-то мы с тобой засиделись, — скомандовала я, — бежим дальше.

По всему виду было заметно, что пес категорически против. Пока мы бежали до поворота, он несколько раз обернулся, прощаясь взглядом с новой подругой...

С тех пор наши встречи стали частыми. Олег, так звали мужчину, все время сидел на одной и той же скамейке с неизменным ноутбуком.

— Ты студент? — как-то спросила я.

— Почему ты так решила?

Я пожала плечами.

— Может, и так... — после паузы ответил он.

— И что ты изучаешь?

— В данный момент — магию...

— Да ладно, я же серьезно...

— Я тоже серьезно. Вот посмотри на эти деревья.

Я уставилась в указанном направлении.

— Деревья как деревья... — Я пожала плечами. — Просто деревья...

— Запомни, в нашей жизни ничего не бывает просто. Посмотри, как падают листья... Посмотри внимательно...

И вдруг я увидела. Листья падали, но каждый по-своему. Вот стремительно шмякнулся на землю разлапистый кленовый... Медленно кружась вокруг черенка, спланировал неболь-

шой ярко-охристый лист дуба. А вот — листочек осинки, круглый, блестящий на солнце, как новенькая золотая монетка, кувыркается в воздухе и, внезапно подхваченный порывом ветра, уносится куда-то вдаль. Я вдруг почувствовала, что оторвалась от скамейки и стремительно понеслась вслед за этим листочком. Чувство полета было реальным, я действительно летела. Ветерок играл мною, то подбрасывая, то аккуратно ловя в мягкие объятия, волосы растрепались, щеки и уши горели.

— Я вижу, ты почувствовала... — Олег с одобрением смотрел на меня. — Это одна из самых древних магий — магия листопада. Она завораживает. Если долго смотреть на падающие листья, душа освобождается от страхов, агрессии, неверия. Жаль только, у нас часто не хватает времени воспользоваться этим простым средством. Мы ленимся смотреть в глубь листопада, грозы, дождя... Мы пьем лекарства, но этим не лечим душу, а только загоняем негатив внутрь. В один прекрасный момент душа уже не может вместить всего... Но это совсем другая история.

Вечером, как обычно, я сидела за кассой. Этот покупатель был ужасно раздражен. Я поняла это сразу по тому, как он швырял продукты из тележки на ленту транспортера.

— Что вы так копаетесь, побыстрее нельзя? — сердито выговаривал он.

Внезапно вспомнился парк, порыв ветра. Я вдруг почувствовала, что касса, сердитый дядька, гора продуктов остались далеко внизу, а я лечу куда-то... Ветерок играет моими волосами...

И тут произошло чудо. Мужчина осекся, а потом пробормотал:

— Извините, девушка, сам не знаю, что на меня нашло...

Я прервала полет, аккуратно приземлившись на стул и пригладив рукой слегка растрепавшиеся волосы.

— Что ты сказала тому толстяку? — заинтересовалась продавщица Любочка.

— Да ничего, а что?

— Представляешь, он потребовал жалобную книгу, я уже попрощалась с премией, а тут... Смотри сама...

На желтоватой странице крупным размашистым почерком было написано: «Спасибо за отличное обслуживание».

Когда на следующее утро я рассказала об этом Олегу, он рассмеялся добрым заразительным смехом, а потом совершенно серьезно сказал:

— Вот видишь, ты замечательная ученица. Еще немного, и станешь настоящей волшебницей.

Бабье лето подходило к концу. Однажды мы, как всегда, сидели на скамейке. Я любовалась листьями, которые ветерок весело гнал по пу-

стым дорожкам. Олег был необычайно молчалив и даже, как мне показалось, подавлен, неохотно отвечал на вопросы. Мне сделалось так грустно, что захотелось встать и уйти. Вдруг на повороте дорожки показалась большая черная «Ауди».

«Если много денег, законы не действуют, — промелькнуло у меня в голове, когда машина подъехала к нашей скамейке, — можно ездить прямо по парку».

Из автомобиля вышел водитель — высоченный мужчина с бритым затылком и суровым выражением лица. Олег обернулся ко мне, словно хотел что-то сказать. Лицо его исказила болезненная судорога.

— Марина! — произнес он, но тут водитель открыл заднюю дверь, подошел к Олегу, бережно, словно маленького ребенка, обхватил его, приподнял со скамейки, усадил в машину. Лайза явно привычно заскочила на переднее сиденье. Хлопнули двери. За тонированными стеклами ничего не было видно. Мы с Шукером сидели ошеломленные, ничего не понимающие. Еще мгновение, и автомобиль исчез за поворотом, словно мираж.

Я огляделась кругом. Парк словно замер в ожидании скорой зимы. Повсюду валялись искривленные предсмертной судорогой листья. Очарование природы исчезло. Какая же я дура! Как могла не понять, что он болен! Ведь сколько раз я видела Олега, он всегда сидел на

скамейке. Не стоял, не ходил, а только сидел. Как можно быть такой слепой?

У меня еще оставалась надежда, что завтра все будет по-прежнему: парк, скамейка, Олег с ноутбуком. Но и завтра, и послезавтра, и через неделю скамейка пустовала.

По привычке я все еще бегала каждое утро в парке, но все, что я в нем любила, исчезло. Осталась только ужасная пустота в груди. Там, где у нормальных людей находится сердце. Я очень долго привыкала к жизни с этой пустотой. Все силы бросила на зарабатывание денег, отказавшись от веселых компаний институтских друзей. Незаметно пришла зима. Первый снег саваном укутал город.

* * *

Приближался Новый год. И однажды на той же дорожке я вдруг встретила Альберта! Он был, как всегда, неотразим — гладко выбрит, идеально подстрижен, энергичен. Увидев меня, весело помахал рукой.

— Маринка! — Я ощутила давно забытый аромат от Prada. — Маринка!..

— Ты что, забыл все остальные слова?

— Господи, Маринка, как я рад тебя видеть! Какая ты... Как мне тебя не хватает!

— По-моему, ты нашел более подходящую женщину...

— Нет. Я чудовищно ошибся. — Он схватил меня за руку. — Я всю жизнь любил только тебя.

Я молча высвободила руку — его прикосновения не вызывали во мне никаких эмоций. Слова отдавали мыльной оперой — мой повзрослевший разум уловил в них явную фальшь.

— У нее на все аллергия, — с горячечным жаром убеждал меня Альберт. — На мужчин, на детей, на запах спиртного, на мои задержки на работе. Маринка, возьми меня обратно. — Он умоляюще посмотрел на меня.

— Тебе что, жить негде? — поинтересовалась я.

— Ага, — с затаенной надеждой подтвердил он и жалостливо посмотрел на меня.

Может, когда-то я и попалась бы на этот крючок, но не сейчас.

— Извини, не могу, — резко, может, даже излишне, ответила я.

— У тебя кто-нибудь есть?

— Извини. — Я повернулась и побежала дальше.

— Между прочим, это мой пес, — крикнул он мне в спину.

— Ну и возьми его, если сможешь!..

Ночью я долго не могла уснуть, а когда, уже под утро, удалось задремать, мне приснился удивительный сон. Это был все тот же парк,

наша с Олегом любимая скамья, усыпанная золотом листопада. И тут я услышала его голос, слово в слово, буква в букву повторивший слова, сказанные накануне Альбертом:

— Господи, Маринка, как я рад тебя видеть! Какая ты... Как мне тебя не хватает!

Но если в устах Альберта эти слова звучали как фарс, то сейчас они были полны отчаяния, боли и одиночества. Я обернулась и увидела Олега. Он шел мне навстречу с букетом желтых хризантем и улыбался.

«Олег!» — хотела крикнуть я, но голос куда-то пропал, тело отяжелело, ноги, не справившись с такой тяжестью, подогнулись, и я шмякнулась на ковер из листьев.

Он прошел мимо, а я смотрела ему вслед, не в силах что-либо предпринять. Солнце освещало его силуэт, букет хризантем в руках горел золотом. Еще несколько шагов, и он исчез, словно его и не было.

«Олег!» — снова попыталась крикнуть я и проснулась.

Что это было? Фантазии, навеянные вчерашней встречей с Аликом? Или Олег действительно нуждается в моей помощи?

И почему я раньше об этом не подумала? Вдруг он живет совсем рядом с парком, но по какой-то причине не может выходить на улицу? Я бы могла помочь ему! Например, вывозить гулять на коляске, разговаривать с ним...

Да много чего могла бы для него сделать, лишь бы найти его. Но как? Я даже фамилии не знала.

В институте мне было не до занятий.

— Маринка, ты что, спишь с открытыми глазами? — довольно чувствительно толкнула меня в бок Лена Зайцева.

— Нет, просто задумалась. Как можно найти человека, зная только марку его автомобиля и кличку собаки?

— Ну, можно, например... — произнесла Лена и зависла, накручивая прядь волос на палец.

— Например что? — попыталась я ускорить ответ.

— Например, обратиться к Витьке Головастику, — радостно выпалила Лена, и я мысленно в очередной раз укорила себя за непроходимую тупость.

Витька Головастик — наш сокурсник. На самом деле его фамилия Борисов, но из-за повышенной эрудированности и способности ответить практически на любой вопрос к нему прилипла смешная кличка. Впрочем, Виктор на кличку не обижался. Мало того, она ему даже нравилась.

Не откладывая дела в долгий ящик, на ближайшей перемене я подошла к Борисову.

— Виктор, — серьезным тоном начала я, — мне очень нужна твоя помощь.

— Очень-очень? — попытался пошутить он, но, видя полное отсутствие реакции с моей стороны, тут же посерьезнел. — Рассказывай.

И я рассказала — вкратце, конечно, не особо вдаваясь в подробности. Но суть Головастик схватил.

— То есть, если я правильно понял, тебе нужно найти хозяина черной «Ауди», причем ни номера, ни модели ты не знаешь. Так?

Я кивнула и добавила:

— У нее еще задние стекла тонированные. И машина такая... большая. — Я развела руки, показывая примерный размер.

— Лучше бы ты номер запомнила. Хотя бы пару цифр! Ну ладно, я подумаю, что можно сделать. Как придумаю, расскажу.

— А скоро? — заикнулась было я.

— Как только, так сразу.

— Хорошо. Что я тебе буду должна?

— Что должна? — Он задумался, а потом сказал: — Сходишь со мной в кафе. Лады?

На следующее утро Виктор подошел ко мне с озадаченным видом.

— Слушай, Маринка! Этих «Ауди» на самом деле жуть сколько моделей. Давай ты посмотришь, может, определишь, что за тачка была? — И он сунул мне планшет.

20 Машин было штук двадцать — двадцать пять, и, на мой неискушенный взгляд, они походили

друг на друга, словно куриные яйца из одной партии.

— Ну, может, эта... — Я неуверенно ткнула пальцем в одну из фотографий.

— Эта — потому что она черная? — уточнил Головастик.

Я пожала плечами.

— И, кстати, черный цвет у «Ауди» тоже бывает разным. Есть блестящий черный, есть черное дерево с эффектом черного жемчуга, есть черный с эффектом вулканического черного жемчуга...

— Вить, — безжалостно оборвала я разглагольствования однокурсника, — ты в кафе хочешь?

— Понял. Но ты понимаешь, что в таком случае выборка может оказаться большой?

Выборку он принес через день, и оказалась она не большой, а просто огромной. Распечатка на три листа с фамилиями и адресами людей, владеющих черными автомобилями «Ауди» в нашем городе.

— Как много! — огорчилась я.

— Нормально. Скажи спасибо, что это была не «Лада» или «Хундай Солярис». Вот бы ты набегалась! А так всего-то три сотни адресов. По одному в день — за год всех обойдешь. Я бы на твоём месте начал с хозяев-мужчин по имени Олег. Там их двадцать три человека. А хочешь, я тебе помогу? Вдвоем веселее получится.

Веселее — не веселее, а быстрее определено. Но я не согласилась.

— Я сама. Может, еще Шукера привлеку. Это мой пес. А насчет кафе не беспокойся. В понедельник у меня зарплата, так что во вторник...

— Маринка, при чем тут зарплата? Это же я тебя приглашаю. — Головастик густо покраснел, словно переспелый помидор.

— Ну нет, — отказалась я. — Это же ты мне помог. Так что до вторника. Заодно расскажу, что у меня получилось.

Придя домой, благо на работе у меня сегодня был выходной, я перво-наперво выделила желтым маркером всех Олегов. Половина названий улиц мне была неизвестна, но, прибегнув к помощи всеведущего Гугла, я смогла составить маршрут.

Не теряя времени, я отправилась по адресу первого из Олегов. Пока я разбиралась с картой, начался снегопад. До пятиэтажки в отдаленном спальном районе пришлось добираться почти полтора часа. Набрав на домофоне номер квартиры, я ждала ответа, и с каждым звонком меня все больше охватывало отчаяние. Ну почему я решила, что в рабочий день все обязательно будут дома, чтобы пообщаться со мной? Когда я совсем уже собралась отправиться по следующему адресу, из домофона донесся раз-

— Чего надо?

От неожиданности у меня пропал дар речи, но всего на пару секунд. Слегка вибрирующим от неуверенности голосом я сказала:

— Здравствуйте! Мне нужен Олег.

— Ну я, — ответил домофон. — Чего надо?

Я уже поняла, что это не тот, кто мне нужен, но продолжала придерживаться плана:

— Я по поводу Лайзы.

— Какой еще такой Лайзы? — взревел невидимый Олег. — Не знаю я никакой Лайзы! Она все врет, эта ваша Лайза!

Дальнейшая беседа была бессмысленной. Пискнув: «Извините!», — я поспешно ретировалась. Домофон за моей спиной продолжал возмущенно вещать что-то по поводу женщин, которые ищут приключений на свою пятую точку.

По следующему адресу мне никто не ответил, как и еще по одному. Домой я вернулась голодная и разочарованная, быстро выгуляла Шукера. Преданный пес чувствовал мое состояние. Он постоянно оглядывался и смотрел на меня добрыми влажными глазами, словно говоря: «Все получится, не сомневайся».

Помыв посуду после ужина, я стояла у окна и смотрела на падающий снег. Он все валил и валил, погребая под собой город. Затяжное начинало казаться абсолютно невыполнимым, но сдаваться я не собиралась.

Утром мы, как всегда, отправились на прогулку в парк. Дворники еще не успели почистить дорожки, и Шукер порой проваливался в снег до живота. Но жаловаться не собирался — похоже, прогулка ему нравилась. Глядя на его весело машущий хвост, я вдруг подумала: а что, если Олег, как и я, живет где-то рядом с парком? Иначе зачем ему куда-то ездить? Ведь практически в каждом районе есть свои пятачки зелени.

Вернувшись домой, я перво-наперво вычеркнула из выборки первую фамилию. Затем на максимально увеличенной в ноутбуке карте своего района нарисовала окружность диаметром около десяти километров и выписала все адреса, которые в нее попали. Есть чем заняться в ближайшие выходные.

Идея была хорошей и, увы, безрезультатной. Хотя мне удалось застать дома всех хозяев «Ауди», никто из них не оказался нужным мне человеком. Зато выборка сократилась на семнадцать человек.

— Ну как успехи, Маринка? — спросил в понедельник Головастик.

— Пока никак. — Я пожала плечами. — Хожу, ишу.

— Я тут подумал: а что, если вместо кафе сгонять завтра сразу после занятий в сторону Калиновки? Там по пути сразу шесть адресов.

На общественном транспорте долго добираться, пешком холодно, а я бы машину у отца взял. Как тебе такое предложение?

Калиновка — довольно отдаленный район, коттеджный поселок, выросший на месте бывших дач за городской чертой. Добираться туда действительно трудно, разве что на такси. Но подобные траты никак не вписывались в мой бюджет, поэтому отказываться было бессмысленно.

Во вторник оказалось, что преподаватель экономической кибернетики заболел, и уже в начале первого мы с Головастиком отправились в путь. Автомобиль — «Ларгус» серого цвета — бежал уверенно, в салоне было тепло, поездка обещала быть приятной и, может, даже плодотворной.

Предчувствие успеха не покидало меня, даже когда из выборки было вычеркнуто четыре адреса. Отрицательный результат — тоже результат.

— Может, кофе? — спросил Виктор, когда мы остановились возле очередного дома.

Внушительных размеров особняк за не менее внушительным забором не выглядел особо гостеприимным, и я согласилась. Он достал с заднего сиденья термос и налил мне горячего напитка в крышку.

— А ты? — спросила я.

Но тут калитка распахнулась, крышка с кофе шмякнулась мне на колени, но я даже не почувствовала боли от ожога.

Лайза, конечно же, это была Лайза! На конце поводка собаки болталась странного вида тетка в выцветшем китайском пуховике.

— Здравствуйте! — радостно закричала я, выскакивая из машины. — Это же Лайза?

— Лайза, Лайза, — недовольно пробурчала женщина, — а тебе-то что?

— А где Олег?

— Какой еще такой Олег? Не знаю я никакого Олега!

— Олег, ее хозяин!

— Семен Петрович ее хозяин. И Анна Филипповна. Никаких Олегов я не знаю. Я у них уже месяц как работаю. Убираюсь, готовлю, с собакой вот гуляю. Нет там никаких Олегов. — И она зашагала дальше.

— Как же нет?.. — Я закусила губу.

— Маринка! — Оказывается, Виктор давно тряс меня за плечо, пытаюсь привлечь к себе внимание. — Что случилось?

— Все нормально... Все нормально...

— Как же нормально? Ты стоишь у дороги, словно дорожный знак. Джинсы мокрые, а на улице зима. Поехали дальше.

Разумеется, он прав. Нужно ехать дальше.

Зима пролетела незаметно, ее сменила весна. Любимый парк расцвел, зазеленел и каждое утро приветствовал нас задорным птичьим пением. Я по-прежнему ходила по адресам из выборки, но делала это скорее машинально. Интуиция подсказывала: если я и узнаю что-либо об Олеге, то только в Калиновке, в доме, где живет Лайза.

Однажды субботним утром мы с Шукером вместо привычной пробежки отправились на автостанцию, откуда ходили автобусы в направлении Калиновки. Поездка на общественном транспорте с огромным псом, пусть даже в наморднике, то еще удовольствие, поэтому мы оба с облегчением вздохнули, оказавшись на свободе. Отсюда еще около пяти километров нужно было идти пешком, но что такое пять километров для нас с Шукером? Сняв с него намордник и отцепив поводок, я побежала вперед, словно вокруг был наш парк, а под ногами — любимая дорожка.

Чем ближе мы подходили к нужному месту, тем сильнее нервничал пес. Он замирал, принюхивался, периодически начинал радостно махать хвостом, снова замирал. Когда же из-за очередного поворота показался дом, служивший конечной точкой нашего маршрута,

Шукер понесся стрелой, оглашая окрестности радостным лаем.

В ответ из-за калитки донеслось радостное повизгивание, а затем недовольный крик:

— Лайза! Ты что?

Калитка приоткрылась, из нее испугано выглянула женщина. Та самая, в пуховике, только, разумеется, уже без него, а в ярком сарафане с рюшами и оборками.

— Немедленно прекратите безобразие! Я сейчас в полицию позвоню! — закричала она.

— Тише, Шукер! — Я ухватила пса за ошейник. — Извините. Они с Лайзой друзья, давно не виделись.

Женщина уставилась на меня:

— Друзья, говоришь? Слушай, а это не ты зимой приезжала?

— Я.

— Ну заходи, раз друзья. Хозяева уехали в Европы (она так и сказала — в Европы), сижу тут, как сыч, не с кем словом перекинуться. Проходи на веранду, хоть чаю попьем.

Я не заставила себя уговаривать.

За чаем женщина разговорилась.

Ее звали Катерина, она была матерью двух малолетних сорванцов, отцы которых испарились неизвестно куда. «Мои спингрызы», — ласково именовала Катерина отпрысков. Сейчас они с бабушкой. Она, ко-

нечно, скучает, но надо же кому-то деньги зарабатывать.

Истосковавшаяся по живому общению Катерина говорила без остановки. Я молча слушала ее исповедь о тяготах семейной жизни и постепенно приходила к выводу, что все случившееся со мной — во благо. Жизнь, семья — это жуткая обуза, любовь придумали писатели, чтобы народ покупал их книжки.

— Кстати, Маринка, — сказала Катерина, в очередной раз подливая мне чая, — а ведь и правда был Олег. Это сын моих хозяев. Он попал в жуткую аварию и остался инвалидом на всю жизнь. Отец отправил его куда-то за границу в клинику. Вроде учится на писателя. Заочно.

«Был Олег...» — Душа привычно сжалась в комок.

— А не знаете, возвращаться он не собирается? — с робкой надеждой спросила я.

— Эх, Маринка! Ты бы, если уехала за границу, разве вернулась бы? Это только в песне поется: «Не нужен нам берег турецкий», — а на самом деле все стараются там зубами ухватиться. На все готовы, чтобы остаться.

За предсессионными хлопотами я не заметила, как наступило лето. Каникулы мне хотелось использовать на полную катушку, чтобы зара-

ботать побольше денег. Нужно купить новые сапоги, да и маму с папой порадовать подарками. Я по-прежнему играла роль счастливой семейной женщины. Не хотелось услышать от мамы сакраментальное: «Ну вот, я же говорила...» А еще не хотелось жалости.

* * *

И вот снова наступил сентябрь. Все те же золотые тополя, пронзительно-чистый свежий воздух, легкие, свободно парящие паутинки. Бабье лето. В последние дни времени было в обрез, и часто наши с Шукером утренние прогулки заканчивались на ближайшем пустыре. Но сегодня ноги сами потащили меня в парк. Не знаю, почему я вдруг села на ту самую скамейку, где год назад Олег обучал меня магии листопада. Я смотрела на деревья и вдруг почувствовала приближение того самого состояния полета, которого не испытывала уже очень давно. Неуверенно приподнявшись над скамейкой, я сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее полетела над парком. Свежий воздух до отказа наполнил легкие, казалось, еще мгновение — и они лопнут. Сердце бешено колотилось. Волосы растрепались. Ветер бил по щекам, куртка развевалась за плечами ярко-алыми крыльями. Шукер снизу смотрел на меня с одобряю-

щей улыбкой. Да-да, он улыбался всей своей добродушной собачьей мордой. В голове, как круги по воде, возникли и разбежались слова Олега: «Запомни, в нашей жизни ничего не бывает просто».

Вечером я, как обычно, сидела на кассе. Руки машинально подносили к сканеру покупки из корзинки позднего покупателя. Лицо так же машинально улыбалось. «Надо же, корм для собак, Шукер такой любит», — подумала я. Следующая покупка поставила меня в тупик — букет желтых хризантем. Такого товара в магазине не было. Я подняла глаза — передо мной стоял Олег. Бледный, заметно похудевший. Сильно отросшие волосы стянуты в хвост. И только глаза все те же — блестящие, карие, насмешливые.

— Олег... — только и смогла вымолвить я.

Сердце рвалось ввысь, я уже чувствовала знакомый трепет во всем теле. Что-то подсказывало: в этот раз я отправлюсь в полет не одна...

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

• ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ •

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

*Николай Гумилев
«Заблудившийся трамвай»*

ынче ветрено и волны с перехлестом... — шептала она, глядя на темно-синюю воду Невы, вид которой успокаивал.

Волн с перехлестом не было, но ветер дул сильный, то и дело норовил сбить с ног или швырнуть в лицо горсть обжигающе-холодного воздуха. Она увертывалась от ветра, утыкаясь носом в воротник куртки, но все равно шла вперед, хотя благоразумнее было бы свернуть с этого прямого пути и пройти между домами, где не было ледяных порывов, а дождь моросил мельче и тише.

Анна шла к воде, где нужно было спуститься на несколько ступенек вниз, и тогда темно-серая рябь колыхалась почти у самых ног. Стояли сумерки, при этом небо было светлее воды — она не была в Питере лет пятнадцать и сейчас приехала в студеное пронизывающем ноябре, потому что нужно было познакомиться с одним человеком, выступающим на конференции в Институте русской литературы, именуемом в обиходе Пушкинским Домом.

Поездка была краткой, спонтанной и необязательной. В ранг дел, принятых к исполнению, она внесла ее сама, недолго думая, потому что понимала: такие шансы выпадают нечасто.

На этой конференции должен был выступать один профессор из Италии, из тех русских, которые уже невольно переняли лоск страны проживания, отчего внешне родного аборигена было не признать, и только мелкие детали выдавали в человеке российскую закуску. К профессору у нее было одно дело, не терпящее отлагательств.

Остановилась она у женщины, с которой познакомилась самым тривиальным способом — через социальные сети. Они сразу почувствовали — пусть и в пространстве лайков, значков, подмигиваний, многозначительных и кратких комментариев — симпатию друг к другу, которая вскоре подкрепилась приглашением при-

ехать в Питер и остановиться не в гостинице, а в предложенной квартире.

На вокзале они взяли такси и поехали на квартиру — жилье одного друга, который находился в деревне и охотно предоставил Анне ночлег на несколько дней. Светлана, так звали знакомую, попила с гостьей чай и вскоре покинула дом, уехав к себе в мастерскую. Она была скульптуром и работала над срочным заказом, который нужно было сдать через месяц.

На вечер у Анны было запланировано мероприятие в Пушкинском Доме, куда она и отправилась заранее: следовало еще найти это здание и успеть зарегистрироваться на конференцию. У нее имелось персональное приглашение от профессора, но опаздывать все равно не стоило.

Сначала она шла по Невскому, небо над ней все более густело и принимало серо-зеленый оттенок, размывая очертания домов и старинных зданий. Анна часто останавливалась и рассматривала их, один раз она застыла, засмотревшись на красивую церковь в глубине проспекта, сверкавшую прохладными бело-бирюзовыми оттенками, как игрушка на новогодней елке. «Армянская церковь Святой Екатерины», — прочитала она на табличке. Хотелось зайти внутрь, но не было уже времени. Через несколько метров она набрела на книжный магазин, сияющий теплым светом,

похожий на храм, и нырнула туда на несколько минут, согреваясь от холода. Высокий потолок, казалось, уходил в бесконечность и был похож на библиотеку из «Гарри Поттера», а разноцветные книги напоминали сложные кусочки единого пазла.

Анна снова вынырнула на улицу и пошла по проспекту, миновала Аничков мост и здесь, посмотрев на часы, поняла, что опаздывает и должна воспользоваться каким-либо транспортом.

Сошла она, когда уже моросил мелкий дождь, почти неразличимый, оседавший влагой на руках и лице. Анна пошла к Неве. Тогда и возникла в памяти строчка: «Нынче ветрено и волны с перехлестом...» Она стояла и смотрела на воду — потом перевела взгляд на Пушкинский Дом, горевший маслянисто-желтыми огнями. Она почему-то медлила туда идти. Может быть, боялась подтверждения или, напротив, опровержения своей догадки.

Анна Рыжикова, молодой ученый-историк, сильно волновалась. Это было связано с ее работой в историко-консультативном центре «Клио», где ей приходилось заниматься разгадкой тех тайн истории, мимо которых люди чаще всего почему-то проходят, не задумываясь над тем, что все в мире переплетено в воздушном и тонком пространстве — одни корни смы-

каются с другими. В центре «Клио» было всего двое сотрудников. Она, Анна, и ее начальник, доктор исторических наук, человек, которого в научном мире знали и ценили, Василий Курочкин, великий и ужасный. Вася был на самом деле добрейшей души человек, просто следовало привыкнуть к его строгости и к тому, что в работе он всегда спрашивал по самому высокому счету. К ним в «Клио» приходили разные люди. Одни хотели получить консультацию по истории, другие — распутать семейную биографию, полную недомолвок и загадок. История России, особенно после Октябрьской революции, была наполнена подводными камнями, ложными данными и подтасованными фактами, о которые можно было запросто сломать голову. Целые династии ушли на дно, затаились в смутных всполохах эпохи, когда быть на виду означало подвергнуться смертельной опасности. Выживание было мучительным тернистым путем — кто-то успел уехать в эмиграцию, кто-то схоронился, пытаясь остаться в живых, а кто-то не сумел ни спрятаться, ни приспособиться и разделил печальную участь убитых, расстрелянных, безвестно сгинувших в круговерти истории.

Доклад профессора смыкался с одной догадкой, если все будет правильно, то пазл сложится. Профессор Александр Николаевич Медведев был коренным питерцем; в своем докладе

он упоминал о малоизвестном портрете Гумилева, который не дошел до наших дней. Ида Наппельбаум, у которой портрет хранился, его уничтожила, но после он был написан заново по уцелевшей фотографии и по ее словам. Этот портрет производил странное впечатление и не был похож ни на один из известных портретов Гумилева. Художником была Надежда Шведе-Радлова, жена Николая Радлова, бывшего самой большой любовью знаменитой балерины Галины Улановой. Облик Гумилева был необычен и далек от канонического. Поэт, не похожий на самого себя, был написан на фоне Вавилонской башни с красной книгой в руках. Дата создания — 1920-й, через год поэт будет расстрелян, а Ида спустя много лет сожжет портрет из опасения, что он послужит уликой для обвинения в «заговоре» или «связи с белогвардейцами». Вот что было известно, дальше простиралась область смутных догадок...

...В холле Пушкинского Дома было тепло и уютно. У кофейного автомата Анна столкнулась с девушкой с длинными кудрявыми волосами. Она пила кофе из стаканчика и морщилась.

— Кофе слишком сладкий или горячий? — спросила Анна.

— Н-нет.

- Вы на конференцию?
- Да. Я есть на конференцию.
- Вы иностранка? — сообразила Анна.
- Да. Из Италии.
- А вы знакомы с профессором... Медведевым?
- Я у него аспирантура.
- И какая тема?
- Литература Серебряного века.
- А... Замечательно!

Они обменялись еще несколькими фразами и заспешили в зал. Народу было немного, сам профессор сидел в первом ряду и о чем-то беседовал с плотным бодрячком лет шестидесяти. Итальянка, которую звали Флора, села позади Анны. Та поправила шарф и достала блокнот, приготовившись записывать.

Окидывая взглядом зал, профессор остановился на ней и едва заметно кивнул. Анна невольно покраснела.

Профессор был весьма хорош собой — той усталой мужской красотой, которую обычно изображают на рекламе парфюма или дорогой брендовой одежды европейских марок. Его взгляд был по-мужски оценивающим, и Анна подумала, что могла бы надеть серое платье из тонкой шерсти, которое ей очень шло, а не юбку с джемпером, которые придавали ей сходство с офисным работником или школьной учительницей. И еще можно было поярче на-

красить губы... Но эти мысли пришли с опозданием, так сказать, вдогонку.

В зале пахло стариной. Анна никогда не думала, что такой запах существует. И тем не менее это было правдой... Старина имела сложный аромат, в котором, как в хорошем коктейле, смешались горьковато-сладкие ноты; это был запах старинной мебели, тяжелых штор с длинными воланами, напоминающими оборки бальных платьев, многоярусных люстр, отсвечивающих приглушенным блеском...

Анна сделала глоток кофе и приготовилась слушать.

Справа от профессора был установлен белый экран, на нем возникла надпись: «Портреты русских поэтов Серебряного века».

Профессор поправил ярко-оранжевый шарф и начал лекцию хорошо поставленным звучным голосом.

...Анна механически делала записи карандашом, время от времени вскидывая глаза на профессора. Пару раз ей показалось, что он говорит, как бы обращаясь к ней, и тогда она с усиленным вниманием вслушивалась в сказанное, уже составляя в уме вопросы, которые она задаст ему позже, когда они смогут переговорить наедине.

Судя по всему, аудитория состояла из старых друзей профессора, который работал здесь до своего отъезда в Италию, и сейчас они радост-

но внимали однокашнику, сделавшему крепкую европейскую карьеру. Красно-оранжевый шарфик профессора контрастировал с унылыми серо-черными одеждами мужчин, так же как его темные с сединой волосы до плеч — с лысынами и короткими стрижками.

Лекция закончилась, профессора сменил другой оратор, тот самый бодрый толстячок, с которым он переговаривался до начала конференции. Его доклад был посвящен образам красоты Серебряного века. Затем выступила дама внушительных габаритов в массивных очках, в строгом костюме и с тяжелой витой серебряной цепью на шее...

...В половине десятого вечера конференция закончилась. Все встали, с шумом хлопая стульями.

Итальянка направилась к профессору, Анна тоже подошла к нему, но остановилась поодаль. Все окружили русского европейца, взяв его в плотное кольцо, каждый хотел что-то сказать, спросить, обменяться рукопожатием, напомнить о себе. Мерный гул, окружавший Медведева, напоминал ленивое жужжание пчел в летний день.

Свет падал на лысины, скользил по белому экрану и стенам.

Анна стояла в стороне. Постепенно кольцо вокруг профессора стало редеть — наступил момент, когда рядом с Александром Никола-

евичем остались двое — уже знакомый Анне толстячок в мешковатом свитере и аспирантка Флора. Анна сделала несколько шагов, подступив ближе...

— А я говорю, что варваризация культуры уже наступила, это похоже на то, о чем говорил еще Константин Вагинов в 20-е годы. Кстати, один из лучших учеников Гумилева, он обучался у него в «Звучащей раковине»...

— В Италии тоже об этом говорят, но иногда, — мягко возразил профессор. — Правда, упадок культуры длится уже много столетий, но никто не делает из этого трагедии, в отличие от нас. Итальянцы буквально живут на руинах, но если вы зайдете в любое кафе или понаблюдаете за ними на улице, вы увидите, что великое прошлое для них органично и естественно. Оно сопровождает каждого итальянца на протяжении всего его жизненного пути, впитывается с молоком матери, но они не спорят из-за него так яростно и непримиримо, как это любим делать мы. Согласись с этим доводом, Павел!

Тот, кого назвали Павлом, вытер платком взмокшую лысину, переливающуюся от блеска хрустальной люстры всеми цветами радуги.

— Да-да, — рассеянно проговорил он. — Ты прав, дорогой друг. Но это уже особенности нашего менталитета, мы не очень-то доверяем настоящему, поэтому ищем виноватых в прошлом и отчаянно боимся будущего... К тому

же будущее мне представляется... — понизив голос, он стал тихо, но настойчиво о чем-то говорить «дорогому другу». До Анны долетали отдельные слова — «место на кафедре», «подумываю о переезде», «здесь совсем невыносимо», «итальянский университет»...

Анна видела, что профессор утомлен напором старого товарища, его взгляд цеплялся за Анну как за якорь, с помощью которого он хотел избавиться от чересчур агрессивного внимания.

— Конечно, конечно... — кивал профессор. При этом глазами он явно сигнализировал Анне приблизиться и вмешаться в беседу.

— Простите меня, — встряла Анна. — У меня к вам вопрос, Александр Николаевич! Мы с вами договаривались, — произнесла она с некоторым вызовом, желая потеснить толстяка, плотно обосновавшегося в орбите профессора.

Взгляд, брошенный на нее Павлом, вряд ли можно было назвать дружелюбным, скорее он отреагировал как хищник на вторжение конкурента. Но Медведев озабоченно посмотрел на часы и сказал, обращаясь к Анне:

— У меня не так много времени...

— Я ненадолго, — включилась в предложенную игру Анна.

...С трудом отделившись от носителя радужной лысины, вскоре они уже шагали к остано-

ке автобуса. Со своей аспиранткой профессор о чем-то тихо переговорил, и она отошла от них, растворившись в питерском вечере. Было уже темно, фонари горели тусклым светом, как масляные плашки — едва-едва... Ветер утих, не было и дождя, но мельчайшие капельки оседали туманом на руках и лице.

— Кажется, нам нужно взять такси, — пробормотал профессор. — Иначе мы тут можем простоять бог знает сколько времени.

В такси пахло апельсинами, Анна сидела на заднем сиденье, профессор впереди. Когда блики падали на его лицо, он напоминал какое-то божество, залитое призрачным светом.

— Вы домой не торопитесь? — донеслось до Анны.

— Нет-нет.

— Тогда мы можем посидеть в кафе и побеседовать.

Такси остановилось около кафе, где в витрине помещались печальный граммофон, старая пишущая машинка и старинный стол со стулом.

— Нам сюда.

За стеклянной дверью скрывалось небольшое помещение с круглыми столиками и ажурными стульями. На стенах были портреты Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Михаила Кузмина, Николая Гумилева, Максимилиана Волошина.